

Е. В. Бородина

СУДЕБНАЯ РЕФОРМА 1719—1727 ГГ. НА УРАЛЕ: ФОРМИРОВАНИЕ ВЕДОМСТВ И ПОЛНОМОЧИЙ

Рассматривается процесс реализации судебной реформы на региональном уровне. Источники, свидетельствующие о деятельности судебных комиссаров уральских дистриктов, дают богатый материал для анализа взаимоотношений представителей различных ведомств в период формирования нового государственного аппарата и реформ в судебной практике того времени.

История Урала уже давно обращает на себя внимание исследователей. Особое место в уральской историографии принадлежит изучению становления горно-заводского управления. Данная тематика обусловлена доминирующим образом Урала как опорного края державы, который начал формироваться уже в начале восемнадцатого столетия. Несмотря на то, что в исследованиях до сих пор продолжают заявлять о себе индустриальные мотивы, появляются работы, которые стремятся вписать регион в общероссийский контекст. В частности, большое внимание уделяется истории административных преобразований первой четверти восемнадцатого столетия [см., например: Пензин, 1986; Корепанов, 1996; Редин, 2003; Акишин, 2003; и др.].

В процессе проведения второй областной реформы 1719—1727 гг. наряду с унификацией и систематизацией управления был введен принцип камерализма, который обозначил первые попытки разделения исполнительной и судебной ветвей власти. Несомненно, в становлении Уральского региона административные преобразования периода правления Петра Великого сыграли значительную роль. Несмотря на кажущуюся всеобщность проведения реформы, она имела свою специфику в каждом отдельно взятом районе страны. На Русском Севере, например, так и не появились городские магистраты. На западе, в пограничных областях

государства, были сохранены предшествующие административные традиции, даже элементы самоуправления. Свои особенности можно выделить и на Урале.

В течение последних десятилетий была проведена реконструкция состава и полномочий отдельных государственных учреждений данного периода. Достаточно хорошо изученными оказались центральные органы администрации. Можно выделить ряд работ, посвященных деятельности Юстиц-коллегии, прокуратуры, Вышнего суда. Последнее время исследования все чаще начинают касаться регионального уровня администрации. В частности, появляются статьи и отдельные разделы в монографиях, отражающие деятельность надворных судов — первых государственных учреждений, наделенных исключительно судебными полномочиями [см. об этом: Серов, 2000, 2004; Бабич, 2001; Балакирева, 2001; Кошелева, 2004]. Несмотря на значительный объем работ, вышедших за обозреваемый период, ни одна из них не затронула деятельности самых низовых звеньев созданной Петром судебной системы. В качестве исключения можно назвать монографии М. М. Богословского [1902] и М. Я. Феноменова [1923], которые были опубликованы еще в начале двадцатого столетия. Если М. Я. Феноменов затронул деятельность низовых звеньев судебной системы в рамках описания жизни пореформенной Угличской провинции, то М. М. Богословский представил тщательный анализ деятельности судов в центральных провинциях Российской империи. Нельзя не отметить отсутствие исследований о появлении новой судебной системы на Урале. В связи с этим целью данной статьи является исследование на примере Уральского региона путей становления и способов функционирования новой системы судов на самом низшем уровне — **дистриктном**.

Началом разработки судебной реформы можно считать период создания новых центральных органов исполнительной власти — коллегий. Именно с момента начала существования Юстиц-коллегии можно говорить о целенаправленной деятельности правительства по созданию судебной системы на местах. Разработка новой структуры судостроительства проходила как в самой Юстиц-коллегии, так и в Сенате. Уже в декабре 1718 г. именным указом была провозглашена линия на создание строгой иерархической системы судов, состоящей из трех уровней: 1) провинциального (городского), 2) губернского и 3) центрального [ПСЗРИ-1, V, № 3261]. 8 января 1719 г. вышел указ о создании надворных судов (гофгерихтов) в ряде российских губерний, в том числе и в Сибирской [Там же, № 3269]. С опубликования этих законодательных актов можно говорить о начале реализации судебной реформы на региональном уровне. Через несколько лет после выхода в свет первых нормативно-правовых актов и начала осуществления реформы система судов была откорректирована. Изменения затронули в первую очередь низовой уровень, где провинциальные («нижние») суды и городские судьи были заменены воеводами в крупных городах, которым в помощь давалось два асессора, и судебными комиссарами в наиболее удаленных от провинции центрах. Губернский уровень сохранился неизменным [ПСЗРИ-1, VI, № 3935]. Естественно, такие быстрые изменения не могли не сказаться на методах осуществления реформы. Каким же образом происходило создание новой судебной системы на Урале?

В период второй областной реформы регион входил в состав крупнейшей российской губернии — Сибирской. Все центральные учреждения губернии, в том числе и надворный суд, находились на значительном удалении от изучаемого района. Наибольшую силу здесь представляло горное ведомство, которое в начале преобразований возглавлял В. Н. Татищев. Как отмечает Д. А. Редин, Татищев сыграл большую роль в начале проведения административных реформ 1720-х гг. на Урале: именно ему принадлежит роль создателя первых уральских дистриктов [см.: Редин, 2004].

Необходимость заниматься не только хозяйственной, но и административной деятельностью привела к тому, что глава Сибирского «вышнего» горного начальства был вынужден издавать инструкции своим подчиненным, управляющим казенными заводами. 27 февраля 1721 г. появился «наказ» В. Н. Татищева с перечнем должностных обязанностей комиссару Уктусского завода Тимофею Бурцеву. Эта должностная инструкция давала земскому комиссару и судебные полномочия: «Судные дела в небытности нашей отправлять вам с казначеем и шихтмейстером вообще чистою совестию, без всякой страсти и вершить по Уложению и новообъявленным его величества печатным указом» [Татищев, 1991, 54]. Создание наказа являлось необходимостью, но несколько противоречило основным положениям новых государственных преобразований, в частности в вопросах осуществления судопроизводства.

Самостоятельность горного начальства не могла остаться незамеченной. Как достаточно исполнительный государственный чиновник, Татищев периодически присылал доношения с отчетами в Сибирскую губернскую канцелярию. По-видимому, временами в них излагалась и сущность тех вопросов, которые не могли быть решены только в рамках государственной структуры, подчиненной ведомству Берг-коллегии. Косвенным подтверждением данной ситуации может служить отрывок из доношения о проделанной работе в Берг- и Мануфактур-коллегию, в 10-м пункте которого говорится: «...по требованию нашему судья земской на все заводы прислан из надворного суда Веденикт Томилов» [см.: ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 10, II, л. 166 об.].

Уже в марте 1721 г. губернский центр постановил, что на Уктусских и Алапаевских заводах «судные» дела «разных чинов людей, беглых салдат и протчих» не подлежат юрисдикции заводского начальства и заводского комиссара Т. Бурцева. Губернская канцелярия в лице князя Алексея Черкасского и Александра Петрово-Соловова предписывала «о судных и розыскных делах решения требовать от тобольского надворного суда, которой по присланному указу из Юстиц-коллегии определен в Сибирской губернии, також и правинцы Соль Камская и Вяцкая поручены тому ж надворному суду» [см.: Там же, I, л. 79—79 об.]. Горное начальство имело право лишь на разбирательство незначительных происшествий среди заводских служащих.

30 марта 1721 г. В. Н. Татищевым был получен еще один указ о подсудности населения Урала. Он исходил от непосредственных представителей судебной власти в Сибири — князей С. Козловского и М. Вадбольского, которые первоначаль-

но были определены судьями тобольского надворного суда [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 9, л. III—III об.]. Правда, в нем так и не было определено, кто же будет представлять тобольский надворный суд на данной территории. Сказывалось отсутствие надлежащего числа необходимых для реформы административных кадров. Проблема была разрешена лишь к концу года.

12 декабря 1721 г. «по ево великого государя указу по определению в тобольском надворном суде велено на Фетковских и Уктусских заводах у земских дел быть судьей Веденикту Томилову и всякие судные и розыскные дела ведомства государственной коллегии Юстиции прошлых и ныняшнего 721 годов и по делам колодников с ведома вашего у прежних управителей принять с описью». Суд обязывал сибирское горное начальство предоставить «к тем делам подъячих, сторожа, караулщиков, розсылщиков съезжего и постоянного дворов». «И как с сим великого государя указом оной Томилов на вышепомянутые заводы приедет, и вам бы об отдаче ему Томилову дел и колодников и о прочем повелет учинить по указу Великого государя. А что чего отдано будет, о том при отписке прислат ведомость за рукою в Тоболеск к надворному суду» [Там же, IV, л. 619].

Новый судья прибыл на заводы предположительно 24 декабря, так как в этот день Татищев и Блиер распорядились учинить по указу, определив в его ведение старого подъячего Петра Юрьева, молодых подъячих по одному человеку от каждого завода, по сторожу, а также караулщиков в постоянные дворы [см.: Там же, л. 619 об.]. В этот же день были составлены соответствующие распоряжения Демидову и земскому комиссару Уктусского дистрикта Степану Неелову [Там же, л. 682—684 об.].

Информацию о первом годе деятельности «надворного судьи» Уктусских заводов можно обнаружить в Государственном архиве Свердловской области. Она представлена в фонде Уральского горного правления, где встречаются документы, прямо касающиеся его деятельности, и в фонде Арамильской земской конторы, в котором отложились журналы входящих и исходящих документов новоиспеченного учреждения. Несмотря на то, что материалы последнего фонда лишь косвенно отражают деятельность Венедикта Томилова, по ним можно судить о характере взаимоотношений между представителями различных ведомств. В данном случае — между должностными лицами горно-заводского ведомства, подчиненного Берг-коллегии, и служащими Юстиц-коллегии (анализ регистров Арамильской земской конторы см.: [Редин, 2005, 138—152]).

Назначенный из Тобольска судья приступил к непосредственному исполнению своих обязанностей в 1722 г. [ГАСО, ф. 575, оп. 1, д. 1, л. 2]. В начале этого же года вышнее горное начальство передало ему в подчинение троих подъячих. Таким образом, была сформирована судебная канцелярия [Там же, ф. 24, оп. 1, д. 10, II, л. 166 об.]. В ведение Томилову были переданы все «невершенные» дела казенных Уктусских, Алапаевских и частных (Демидовских) заводов [см.: Там же; оп. 12, д. 31, л. 148—148 об.]. Таким образом, его судебные полномочия распространились на два недавно образованных горно-заводских дистрикта — Уктусский и Алапаевский [подробнее см.: Редин, 2004].

Каким образом развивались отношения между земскими конторами и судьей? На первых порах В. Томилов поддерживал достаточно тесные отношения с представителями Сибирского горного начальства. Данную тенденцию можно проследить по материалам журнала входящих документов Арамильской земской конторы, в котором оказались зафиксированы сведения с 8 января по 30 сентября 1722 г. Как уже было отмечено выше, такая ситуация сложилась благодаря переносу всех «невершенных» дел в новое ведомство¹ и необходимость знакомства с пока еще не известными обязанностями. По замечанию Д. А. Редина, 1722-й год был временем формирования новой вертикали власти, которая строилась на двух уровнях — горно-заводском и губернском. В качестве одного из аргументов он приводит неясность делопроизводственной классификации входящих бумаг Арамильской земской конторы [см.: Редин, 2005, 143.]. В регистре все делопроизводственные документы, исходящие от Томилова, зарегистрированы в качестве писем. Это может говорить как о равном статусе переписывающихся сторон, так и о некоторой неопределенности в реформе административной машины, где личное начало еще не было до конца подавлено. Можно отметить, что в записях Арамильской земской конторы периодически подчеркивалась принадлежность Томилова к другому ведомству: его именуют надворным судьей. Более того, в некоторых случаях его называли по имени и отчеству.

Рассмотрим более подробно журналы входящих и исходящих документов Уктусского дистрикта. К сожалению, материалы журналов дошли до нас не полностью. Регистр входящей документации, как было отмечено выше, был доведен до конца сентября 1722 г., регистр исходящих документов сохранился в двух экземплярах, самый полный из них заканчивается маем этого же года (табл. 1).

Т а б л и ц а 1

Месяц	Количество входящих документов	Количество исходящих документов
Январь	7	5
Февраль	11	3
Март	4	1
Апрель	1	0
Май	4	0
Июнь — сентябрь	0	0
<i>Итого</i>	27	9

При первом же взгляде на таблицу бросается в глаза неравномерное распределение переписки в течение года. Если в первые месяцы (январь и февраль) В. Томилов отправил С. Неелову 18 «писем», то в последующие три месяца (март, ап-

¹ В еще более тяжелой ситуации оказалась Юстиц-коллегия, одна из высших судебных инстанций, созданных по новой реформе [см.: Балакирева, 2003, 39—90].

рель и май) — всего 9. С июня по сентябрь никакой переписки не зафиксировано. Судя по регистру исходящей документации, Арамильская земская контора не спешила с ответом на запросы Томилова. На 27 писем от «надворного судьи» приходится всего 4 ответа, адресованных непосредственно Томилову (февраль — март), и 5 «указов», направленных сотникам и старостам подведомственных конторе слобод, передающих распоряжения нового представителя судебной власти. Обратив внимание на содержательную сторону писем, можно отметить, что в подавляющем большинстве они касаются высылки жителей дистрикта, необходимой для предварительного расследования того или иного дела.

Пробел в регистрах показателен. Во-первых, он может быть объяснен неудовлетворительным ведением текущей документации, касающейся взаимоотношений между должностными лицами в дистрикте. Они значительно уступают журналам входящих документов, в которых регистрировались указы, приходящие из центральных учреждений. Это подтверждается и описями дел, сохранившимися в фонде Екатеринбургской конторы судебных и земских дел. Несмотря на отсутствие фиксированных дат в книгах записи входящих и исходящих документов, описи более полно представляют деятельность Уктусской администрации и судебного комиссара [ГАСО, ф. 34, оп. 1, д. 2, л. 17—88]. Если в регистрах Арамильской земской конторы можно насчитать 27 входящих и 9 исходящих документов, то в описях представлено 39 входящих и 15 исходящих промеморий и писем. Состав дел, по которым велась переписка, во многом совпадает, но в описях дел встречаются не упоминавшиеся в регистрах земской конторы². По количеству писем и промеморий, в которых говорится о присылке к следствию людей, описи превосходят регистр исходящих документов. Тем не менее их соотношение с количеством входящей документации одинаково и приблизительно равно один к трем³.

Во-вторых, между отдельными представителями двух ведомств время от времени продолжали возникать трения. В качестве примера можно привести жалобу подьячего судебной канцелярии А. Гобова на горно-заводского «камисара Василия Томилова и гулящих людей в бою его», зарегистрированную в 3-й книге описей дел за 1722-й г. [ГАСО, ф. 34, оп. 1, д. 2, л. 35]⁴.

В-третьих, земский комиссар С. Неелов, ответственный за приписку и наряд крестьян в заводские работы [см.: Корепанов, 2001, 19], по-видимому, не собирался предоставлять всех необходимых Томилову людей. По регистру среди входящей документации лишь три письма от Томилова сообщают о приеме в канцеля-

---

² В регистрах фонда «Арамильская земская контора» насчитывается 23 дела. В описях можно выделить еще 8 судебно-следственных дел.

³ В учет не берутся дублирующие письма о присылке тех или иных крестьян и прочих жителей дистрикта.

⁴ А. Гобов, по-видимому, отличался большой конфликтностью, которая прослеживается по описям и регистру Арамильской земской конторы в виде его жалоб на «брань и бесчестье» [ГАСО, ф. 34, оп. 1, д. 2, л. 75 об.], грабеж и пр. [Там же, ф. 575, оп. 1, д. 1, л. 8 об., 15 об.]. Правда, и против самого подьячего проводилось расследование.

рию требуемых людей. Часть жителей дистрикта была занята на заводских работах, поэтому к новому судье отправляли лишь тех, «которые от дела свободилис» [ГАСО, ф. 575, оп. 1, д. 1, л. 9]. Возможно, что некоторые заводские работники попадали в категорию гулящих людей, поэтому не могли быть отосланы наравне со всеми остальными. Кроме того, за первые три месяца судья должен был освоиться в новой роли, а его канцелярия должна была приобрести навыки самостоятельного поиска ответчиков и свидетелей. Итогом данной ситуации могло стать письмо, зарегистрированное в четвертой книге описи дел за 1722-й г., в котором «надворному судье» сообщалось о необходимости прямо обращаться к Неелову, минуя земскую контору («вчерне письмо уктусского земского суда в канцелярии о посылках ис канцелярии посыльщиков мимо земской конторы» [Там же, ф. 34, оп. 1, д. 2, л. 69]). Так или иначе, Томилов продолжал исполнять свои должностные обязанности, правда, при более тесном сотрудничестве с Сибирским горным начальством, которое в конце 1722 г. фактически возглавил генерал-майор В. Геннин⁵.

Возможно, запрос Татищева дал толчок деятельности сибирской администрации и надворного суда как одного из ее представителей, так как в течение 1721 г. он определил земских судей по всей Тобольской провинции [см.: ПСЗРИ-1, VII, № 5015; Акишин, 2006, 134]. Уже в начале 1723 г. судебные комиссары были посажены в Тюмень, Туринск, Пелым, Верхотурье, Сургут, Березов, а также в Ялуторовский, Исетский, Шадринский, Каменский, Окуневский и Уктусский дистрикты [ГАСО, ф. 42, оп. 1, д. 2, л. 39].

С 1722 г. прослеживается деятельность другого «надворного судьи» — Гаврилы Черкасова, определенного в Каменский дистрикт, тогда еще не подотчетный горному ведомству. Материалы, рассказывающие нам о деятельности этого человека, сохранились в гораздо большем объеме. Они представлены в фондах Каменской земской конторы и Уральского горного правления. В первом фонде отложились документы, непосредственно касающиеся деятельности судебного комиссара: протоколы допросов, челобитные, записи явок, а также финансово-отчетная документация. Второй фонд дает отрывочную информацию в виде промеморий, посредством которых происходило сообщение между тобольским надворным судом и Сибирским обербергамтом.

Первый год существования судебной канцелярии отражен лишь в виде небольшого «реестра вершеным делам», сохранившегося в виде копий среди материалов, собранных генералом В. Генниным на злоупотребляющих своим положением чиновников [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 17, л. 41—44 об.]. Во многом данная ситуация связана с тем, что заводы в это время не подпадали под юрисдикцию Сибирского горного начальства. Второй год деятельности зафиксирован в источниках гораздо лучше, так как управление заводами в начале 1723 г. было передано обер-

---

⁵ Например, 5 апреля 1722 г. в канцелярию высшего горного начальства пришло доношение, в котором Томилов просил помощи в поимке беглых колодников. Горное начальство во главе с И. Блиером тщательно подошло к этому делу [подробнее см.: ГАСО, ф. 24, оп. 12, д. 31, л. 148—149, 193—194].

бергамту, и между ведомствами наблюдался постоянный документооборот [см.: Корепанов, 2001, 19].

Каменская земская контора исправно присылала «надворному судье» дела, которые не входили в сферу ее компетенции [см.: ГАСО, ф. 42, оп. 1, д. 2, л. 13]. Несмотря на это, можно отметить, что в дистрикте существовала ситуация «двойного правосудия», которая сложилась в результате сохранения ряда судебных функций у земского комиссара Каменского дистрикта Ф. Фефилова [см.: Там же, л. 6—9 (дело рудного прищика Алексея Пазника от 24 января 1723 г.); л. 31—32 об. (дело крестьянского сына Бориса Пелменшикова о краже им зерна из государственного амбара от 14 марта 1723 г.)]. Земские конторы, ведавшие распределением людей на заводские работы, продолжали разбирать споры между заводскими служащими. Судя по источникам, содержащимся в фонде Каменской земской конторы, это продолжалось вплоть до окончания деятельности судебной канцелярии Г. Черкасова. Подобная ситуация оказалась возможной в результате того, что оба должностных лица представляли здесь высшее лицо государства и служили лишь проводниками его воли. Это видно по челобитным и приговорам судебного комиссара, которые составлены на имя и от имени императора.

Делопроизводственная документация дает возможность проследить динамику функционирования судебной канцелярии. Реестр «вершенных дел» содержит информацию о количестве дел, пройденных через Г. Черкасова с 1 января 1722 по 1 марта 1723 г. (табл. 2).

Таблица 2

Месяц	1722	1723
Январь	4	4 +2
Февраль	3	6 +1*
Март	4	6 (до 15-го)**
Апрель	5	
Май	6	
Июнь	6	
Июль	4	
Август	4	
Сентябрь	6	
Октябрь	6	
Ноябрь	8 +1***	
Декабрь	10	
<i>Итого</i>	67	19

* Дела сохранились в фонде Каменской земской конторы, но не вошли в реестр [см.: ГАСО, ф. 42, оп. 1, д. 2, л. 1—13].

** См.: [Там же, л. 19—34 об.].

*** По присланному из тобольского надворного суда перечню взятых с вершенных дел пошлин [Там же, л. 17—18 об.].

Как можно проследить по таблице, первые месяцы работы нового судьи не отличались особой интенсивностью судопроизводства. Если сравнить Уктусский и Каменский дистрикты, можно отметить, что на Томилова сразу же легла гораздо большая нагрузка. Регистр входящих документов Арамильской земской конторы зафиксировал запросы В. Томилова по 6 различным делам за январь и по 9 делам за февраль 1722 г. Вероятно, Черкасов в своем реестре не учел те случаи, которые должен был передать ему земский комиссар Каменских заводов Ф. Фефилов [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 24, л. 143—143 об.].

Всего по реестру за 1722 г. Черкасовым было разобрано 66 дел (по материалам фондов Арамильской земской конторы и Екатеринбургской конторы судных и земских дел за 1722 г. прослеживается всего 31 дело, разобранное Томиловым). В среднем ежемесячно разбиралось по 6 дел. Если в начале года число судебных тяжб не превышало 3—4 (январь — март), то к концу года их число выросло до 10 (декабрь). В течение года наблюдаются периоды пассивности заводского населения, во многом связанные с годовым сельскохозяйственным циклом. Наибольшее число дел приходится на периоды отсутствия крупных полевых работ. Именно на это время падает и максимальное количество дел, возбуждаемых по причине «бою и брани». По мнению А. Б. Каменского, «ни одно общество, ни один коллектив не обходятся без конфликтов, составляющих неотъемлемую часть повседневной жизни и являющихся своего рода регулятором взаимоотношений внутри того или иного сообщества» [Каменский, 2006, 141]. Межличностные столкновения, как и содержание других судебных тяжб данного периода, имели свои особенности, которые позволяют лучше узнать изучаемое общество.

В процентном соотношении межличностные конфликты составляют 47,8 % (32 из 67) всех преступлений за год, 59 % из них закончились мировыми прошениями. Данная цифра может свидетельствовать о том, что многие дела возбуждались лишь для устрашения своего «соседа» и не имели своей целью доведение судебного разбирательства до конца. Несколько особняком от межличностных конфликтов стоят «блудное дело» («блудное воровство») и по церковным меркам недалеко от него ушедшие внутрисемейные конфликты. Несмотря на то, что разбирательства по этим вопросам стоят на последнем месте (13,4 %, 9 дел из 67), их число также может являться ярким показателем нравов человека, все еще не переступившего рубеж Средневековья и Нового времени. Очевидно, что в этих отношениях большую роль продолжала играть церковь. Не имея больше возможности следить за нравственностью и целомудрием брачных отношений, церковь активно использовала в своих целях государственные структуры, которые подкреплялись самостоятельными приводами «провинившихся» женщин местными жителями. В качестве примера можно привести обращения крестьян Каменского дистрикта в 1726 г., поступившие в земскую контору после обыска пономаря церкви Трех Святителей на предмет внебрачных беременностей [см.: ГАСО, ф. 42, оп. 1, д. 14, л. 7]. В самом реестре Черкасова все дела, подобные только что названному, обозначены как приводные.

На втором и третьем по распространенности местах стоят преступления, связанные с кражей лошадей (22,3 %, 15 из 67), и имущественные тяжбы и преступления (16,4 %, 11 из 67). Данная ситуация не является удивительной. Не только на Урале, но и в других регионах России лошади представляли собой большую ценность как при уборке урожая, так и при передвижении на значительные расстояния. Прочие имущественные преступления — это грабежи, воровство, споры о потраченном урожае на поле и т. п.

Анализ состава участников судебных тяжб дает возможность понять, какая из групп населения принимала самое активное участие в судебном процессе. Наиболее многочисленной группой истцов можно назвать крестьян и жителей слобод Каменского дистрикта (30 случаев из 67). Они же выступают в качестве основных ответчиков (31 казус). Именно крестьяне явились основными участниками дел, заводимых по причине «бою и брани». Солдаты (в основном драгуны) и заводские служащие — работники (в их число входили пушкарки, заводские кузнецы, угольные мастера, молотовые работники) и канцелярские служащие дистрикта (канцелярские рассыльщики и подьячие⁶) — также представляли достаточно большой процент истцов. По их инициативе было возбуждено по 10 дел. В отличие от крестьян, они представляют собой более дисциплинированную группу тяжущихся, так как против них оказалось возбуждено 3 и 4 дела соответственно. Обращает на себя внимание, что заводские работники даже между собой судились у Черкасова. Данная ситуация может быть объяснена тем, что в 1722 г. завод не входил в сферу влияния горного ведомства⁷. Еще одну самостоятельную категорию тяжущихся составляли служилые и оброчные татары, которые были приписаны к Уфинскому уезду и Тюмени. Данные таблицы показывают, что они не были частыми гостями судебной канцелярии Каменского дистрикта.

По реестру видно, что в судебных разбирательствах принимали участие и мужчины, и женщины. Как уже отметила О. Е. Кошелева, женщины очень часто выступали самостоятельными участниками судебного процесса [см.: Кошелева, 2004]. Представительницы слабого пола нередко выступали в качестве истцов на суде (7 случаев). Большинство таких судебных процессов начиналось в результате межличностных конфликтов как с мужчинами, так и с женщинами⁸. В некоторых случаях жены через суд вступались за своих драчливых мужей. Впрочем, в анализи-

---

⁶ Можно выделить два случая, когда им выпадала роль возбудителей тяжб: дело каменского подьячего «Афонася Женова на багаряцкого крестьянина Аверкия Откулова в краже лошадей...» от 9 декабря и дело каменского подьячего «Афонася Казанцова, брата ево Бориса Казанцева на каменских жителей Бориса Пелменшикова, Потапа Миронова» от 24 декабря [см.: ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 17, л. 44].

⁷ «Дело Каменских заводов пушкаря Алексея Буркова на пушкаря ж Луку Харчевникова» от 20 марта [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 17, л. 41]; «Дело Каменского заводского кузнеца Евсея Тагилцова на угольного мастера Афонася Туткина» от 25 апреля [Там же, л. 41 об.] и др.

⁸ Дело от 30 мая «Каменских заводов крестьянской жены Матрены Петровой дочери на крестьянскую жену Авдотью Тимофееву дочь и мировое их прошение» [Там же]; дело от 28 сентября «Каменских заводов молотового мастера жены Евдокии Филипповой дочери на Каменского бобыля Ивана Гладкого в брани» [Там же, л. 43] и др.

руемом источнике можно найти и совершенно противоположную ситуацию⁹. В 8 случаях женщины в качестве ответчиков обвинялись в «блудном воровстве».

Сравнение судебной практики двух судебных комиссаров дает основание говорить о фактически одинаковом составе участников разбирательств [см.: ГАСО, ф. 34, оп. 1, д. 2, л. 35, 57, 64 об.]. В регистрах Арамильской земской конторы и описях Екатеринбургской канцелярии земских дел, отражающих работу В. Томилова, не прослеживаются лишь дела, в которых в качестве истцов или ответчиков могли быть представлены татары и женщины. К В. Томилову и Г. Черкасову, попадали подьячие и мелкие канцелярские служащие. Чаше всего они вызывались для очной ставки в качестве свидетелей (табл. 3).

Т а б л и ц а 3

Категория населения по социальной принадлежности и полу	Истцы, %*	Ответчики, %*
Крестьяне	44,8 (30)	46,3 (31)
Драгуны	14,9 (11)	4,5 (3)
Заводские работники	4,5 (3)	6 (4)
Канцелярские служащие	10,4 (7)	0
Монастырские жители	0	1,5 (1)
Татары	6 (4)	9 (6)
Женщины	10,4 (7)	10,4 (7)
Мужчины и женщины совместно	0	6 (4)
Неизвестен	7,5 (5)	16,4 (11)
<i>Всего за 1722 г.</i>	<i>100 (67)</i>	<i>100 (67)</i>

* В скобках указано общее количество.

Таким образом, можно выделить достаточно однообразный набор причин, по которым мог начаться судебный процесс, и реконструировать постоянный состав его участников. В основном тяжущимися являлись жители Каменных заводов. Тем не менее можно обнаружить случаи, когда у Г. Черкасова судились представители других административно-территориальных единиц. Как уже упоминалось выше, это были татары из разных мест, которые приводились или сами обращались в суд там, где произошло происшествие¹⁰. Кроме того, можно отметить обра-

⁹ Дело от 2 ноября «Колчеданского острогу крестьянской жены Феклы Степановой дочери на Каменского крестьянина Сидора Детеникова в бою мужа ея» [Там же, л. 43 об.]; дело от 18 октября «Колчеданского крестьянина Нифонтия Зубкова того ж острогу на крестьянина Ивана Шулгина в бите жены ево» [Там же, л. 43].

¹⁰ «Генваря 12 дня. Привод Уфинского уезду татарина Кетдура Давхлетова, что приведен он с воровскими лошадми»; «марта 1 дня. Дело тюменских служилых татар Енотака Пусухурова с товарищи на уфинских татар в грабежу» [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 17, л. 41]. По-видимому, оба дела обладали территориальной подследственностью.

шение к судье крестьян, которые были подсудны комиссарам других дистриктов (Уктусского, например), но жаловались на местных жителей¹¹. Большинство жителей Урала, за некоторыми исключениями, судились у судебных комиссаров соответствующих дистриктов. Для таких дел, как конное и другие случаи воровства, побег от мужа и некоторые другие, действовал принцип территориальной подсудности дела. Если рассматривать оставшиеся от деятельности В. Томилова источники, можно отметить только два случая, когда в качестве ответчиков выступали крестьяне слобод, не входивших в дистрикт: конный вор Багаряцкой слободы Каменского дистрикта Петр Макушев [ГАСО, ф. 34, оп. 1, д. 2, л. 51 об.] и крестьяне Белослущкой слободы Камышловского дистрикта [Там же, л. 84]. К сожалению, в некоторых других случаях принадлежность тяжущихся осталась неизвестной. Данная ситуация соответствовала судоустройственной политике, исходившей из центра, в результате которой были выделены соответствующие судебные инстанции для разных категорий населения и должностных лиц, но нестрого определена территориальная подсудность населения (табл. 4).

Таблица 4

Административно-территориальная единица*	1722		1723	
	Истцы, %	Ответчики, %	Истцы, %	Ответчики, %
Каменский	79,1 (53)	70,1 (47)	68,4 (13)	52,6 (10)
Уктусский	2,98 (2)	0	0	0
Окуневский	2,98 (2)	0	5,3 (1)	0
Шадринский	0	2,98 (2)	0	0
Тюменский	1,49 (1)	0	0	0
Уфинский уезд	1,49 (1)	2,98 (2)	0	5,3 (1)
Ялutorовский	0	0	5,3 (1)	5,3 (1)
Фетковские заводы (Алапаевский)	0	0	5,3 (1)	0
Тобольск	0	0	5,3 (1)	0
Не установлен	11,94 (8)	23,88 (16)	10,5 (2)	36,8 (7)
<i>Всего</i>	<i>100 (67)</i>	<i>100 (67)</i>	<i>100 (19)</i>	<i>100 (19)</i>

* Принадлежность населенных пунктов к означенным дистриктам проводилась в соответствии с данными: [ГАСО, ф. 575, оп. 1, д. 1; ф. 42, оп. 1, д. 9, л. 11, 15, 17, 24, 40, 182]; см. также: [Пузанов, 2002, 153]. В скобках по годам указано общее количество истцов и ответчиков.

¹¹ «Июня 25 дня. Привод Камышевской слободы жителя Гаврила Кытманова. Привел Каменского драгуна Малафея Харитонов с воровской лошадию» [ГАСО, ф. 34, оп. 1, д. 2, л. 42]; «августа 24 дня. Дело Камышевской слободы крестьянина Сыся Шипунова на багаряцкого крестьянина Аверкия Кувалдина в конском воровстве» [Там же, л. 42 об.]. Правда, 30 ноября к судье обратились с жалобой на жителя Шадринского дистрикта: «привод Колчеданского острогу отставного драгуна Тита Тагилцева. Привел он в привод Шадринского города крестьянина Федота Казанцева с воровской лошадию» [Там же].

Несмотря на кажущуюся полноту реестра, можно предположить, что в него были включены не все рассмотренные Г. Черкасовым дела. Это частично подтверждается судебно-следственной документацией за январь — февраль 1723 г., сохранившейся в фонде Каменской земской конторы. В нем можно найти еще ряд дел, разбиравшихся в судебной канцелярии, но по каким-то причинам не попавших в реестр. Если сравнить начало 1722 и 1723 гг., обращает на себя внимание более интенсивная работа канцелярии. За два первых месяца 1723 г. было начато 13 судебных процессов. По источникам можно проследить их ход от возбуждения дела до вынесения приговора [см.: ГАСО, ф. 42, оп. 1, д. 2, л. 1—34 об.].

Как и по всей стране, судебно-следственная документация велась канцелярскими служащими — дьяками и подьячими. По мнению О. Е. Кошелевой, именно от них во многих случаях зависел исход судебного процесса [см.: Кошелева, 2001, 279]. Действительно, подьячий принимал особенно активное участие на первом этапе процесса — в досудебном производстве. В его обязанности входили прием лиц, желающих возбудить дело, составление челобитной совместно с пострадавшим по всем правилам канцелярского делопроизводства, регистрация приведенных подозреваемых¹². Время от времени они или их родственники, умеющие писать, «прикладывали руку» за челобитчика, ответчика и свидетелей, проходивших по делу. По всей видимости, подьячие имели от этого очень хороший доход, так как все доношения были написаны не просителями. Одной из наиболее часто встречающихся подписей под доношениями и допросами является «рукоприложение» подьячего сына Матвея Щепоткина [см.: Там же, л. 8]. Канцеляристы же представляли челобитную судье, который должен был решить, следует ли продолжать процесс. В таком случае обычно Г. Черкасов писал резолюцию: «...записав в книгу, сыскал ответчика в судебную канцелярию и допросить по указу». Если ответчик по делу не был прямо назван, что часто случалось при краже лошадей «неведомыми ворами», процесс так и завершался на стадии возбуждения. Если же в челобитной было указано имя ответчика, расследование шло своим чередом.

На данном этапе процесса обычно происходили такие следственные действия, как осмотр побоев (при драках) или мест происшествия, поиск свидетелей и ответчиков по делу, их допрос и очная ставка. Здесь в обязанности подьячих входила подготовка протоколов допросов ответчика, свидетелей, очной ставки между истцом и ответчиков, подбор соответствующих случаю статей законодательства. Последнее действие (в данном случае поиск и выписка подходящих статей Соборного уложения 1649 г.) прослеживается лишь по материалам 2 из 19 сохранившихся в Каменской земской конторе тяжб. Таким образом, большинство запроотоколированных судебных приговоров даже не имели ссылок на те или иные статьи законодательства. Основным наказанием в большинстве случаев являлось битье бато-

---

¹² Возбуждение дела начиналось либо в результате подачи в судебную канцелярию явочной челобитной, либо в результате «привода» подозреваемого к судье.

гами либо кнутом (для воров лошадей), чтобы «другим, на то смотря, неповадно было». Публичность телесного наказания, таким образом, использовалась в воспитательных целях¹³. Поражает оперативность работы судебной канцелярии: процесс в большинстве случаев длился не более 1 рабочего дня судебного комиссара. Лишь один процесс длился 17 дней, так как в него была активно включена земская канцелярия. Возможно, из соображений экономии Г. Черкасов не стремился приводить большое число колодников.

Таким образом, судебный процесс соответствовал требованиям Соборного уложения 1649 г., которое выделяло такие его формы, как суд и розыск. Несмотря на существование указа 1697 г., в рамках общеполитических традиций отменявшего суд тяжущихся [см.: Peterson, 1979, 335], традиция разбора дел при помощи поступательного предоставления доказательств (в основном свидетелей) тяжущимися сохранялась. Закон «О форме суда», опубликованный в начале 1723 г., дошел до Урала и Сибири лишь к концу этого года. Как можно заметить по практике Г. Черкасова, все случаи судебного разбирательства были возбуждены не по инициативе государства в лице судебного комиссара, а в результате челобитья жителей дистрикта. Сама процессуальная процедура была максимально упрощена, что делает ее сопоставимой как с судебной практикой предыдущего столетия, так и с практикой современного мирового судьи. Это не позволяет согласиться с мнением М. О. Акишина, который полагает, что в качестве одной из целей судебной реформы Петра Великого являлась гуманизация процессуального права [см.: Акишин, 2006, 126, 138].

Г. Черкасов находился на Каменских заводах в качестве судьи чуть более года (до 22 марта 1723 г.). Как и его коллега Венедикт Томилов, Гаврила Черкасов по обвинению во взяточничестве оказался под следствием в розыскной канцелярии генерал-майора В. Геннина. Судебного комиссара отправили на Уктусские заводы, где он и содержался с 25 марта по 19 мая. В. Геннин, стремившийся расширить влияние Сибирского обербергамта на Урале, вступил в противоречие с губернскими властями и, формально, со столицей. Все дела Черкасова и его канцелярия были переданы в Каменскую земскую контору приказчику Владимиру Стадухину [см.: ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 24, л. 143—144 об.]. По материалам фонда Каменской земской конторы деятельность Стадухина в новом качестве отслеживается с апреля 1723 г. [Там же, д. 2, л. 63]. Данное событие, впрочем, не противоречило общероссийской тенденции сокращения кадров, находившихся в ведомстве Юстиц-коллегии [см.: ПСЗРИ-1, V, № 3917, 3935].

Так закончилась деятельность первых уральских судей. Формирование новой судебной иерархии в регионе началось гораздо позднее, чем в центральных районах страны. Первое время статус новых судей оставался неопределенным. Это

---

¹³ Как отмечает М. Фуко, во Франции и многих других странах Европы тело было «главной мишенью судебно-уголовных репрессий» до конца XVIII — середины XIX в., что является отражением средневековой концепции власти и правосудия [см.: Фуко, 1999, 14].

особенно ярко прослеживается по источникам. В промемориях из Тобольского надворного суда и Тобольской губернской канцелярии отправленный на Уктусские заводы В. Томилов именуется «надворным судьей». В журнале входящих документов Арамильской земской конторы вся документация, исходящая от нового судьи, получает неопределенный статус п и с ь м а . Данная ситуация во многом была связана с особенностями заселения территории Среднего Урала. В рассматриваемый нами период на Урале еще не существовало крупных провинциальных центров, отсутствовали населенные пункты, приравненные к статусу города. Вследствие этого здесь не могли быть созданы «нижние суды» либо посажены городовые судьи. Как было отмечено выше, необходимость в создании судебной вертикали существовала. Первым на нее обратило внимание уральское горное начальство, результатом самостоятельной деятельности которого стало форсированное формирование губернским центром специализированного судебного ведомства. Таким образом, действия тобольского надворного суда и губернской канцелярии противоречили законодательству.

В анализе пореформенного законодательства, приведенном в начале статьи, уже упоминалось, что на новом витке судебной реформы именным указом от 4 апреля 1722 г. была введена должность судебного комиссара. В Сибирь копия указа была прислана лишь 17 июля этого же года [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 94, л. 445 об.]. Вероятно, в тот же день тобольский надворный суд назначил В. Томилова и Г. Черкасова на новые должности, которые они фактически уже занимали в течение полугода. Данная тенденция позволяет предположить, что корректировка судебной реформы в 1722 г. была тесно связана с региональной практикой, в частности со становлением новой судебной системы на Урале. Источники, свидетельствующие о деятельности судебных комиссаров уральских дистриктов, дают богатый материал для анализа взаимоотношений представителей различных ведомств в период формирования нового государственного аппарата, изменений в судебной практике того времени и знакомства с нравами и бытом различных слоев общества на Урале.

Акишин М. О. О проведении судебной реформы Петра Великого в Сибири // Проблемы истории гос. управления и мест. самоуправления Сибири XVI—XXI вв.: Материалы VI Всерос. науч. конф. Новосибирск, 2006.

Акишин М. О. Российский абсолютизм и управление Сибири XVIII века: структура и состав государственного аппарата. М.; Новосибирск, 2003.

Бабич М. В. Надворный суд // Государственность в России: Гос. и церков. учреждения, сослов. органы и органы мест. самоуправления, единицы администрат.-территор., церков. и ведомств. деления (конец XV в. — февраль 1917 г.): Слов.-справ. Кн. 3. М., 2001. С. 177—179.

Балакирева Л. М. Местные органы судебной власти и Юстиц-коллегия в 1719—1720-е гг. // Столич. и периферийн. города Руси и России в Средние века и раннее Новое время (XI—XVIII вв.): Докл. Второй науч. конф. (М., 7—8 декабря 1999 г.). М., 2001. С. 237—246.

Балакирева Л. М. Судебные функции Юстиц-коллегии // Рос. Юстиц-коллегия (1718—1786): Ист.-правовые очерки. М., 2003. С. 39—90.

Богословский М. М. Областная реформа Петра 1: Провинция, 1719—1727 гг. М., 1902.

Каменский А. Б. Повседневность русских городских обывателей: Ист. анекдоты из провинц. жизни XVIII в. М., 2006.

Корепанов Н. С. Уральское горное управление в XVIII — начале XX в.: исторический опыт // Урал. ист. вестн. (Регион. развитие России). Екатеринбург, 1996. № 3. С. 215—229.

Корепанов Н. С. В раннем Екатеринбурге (1723—1781). Екатеринбург, 2001.

Кошелева О. Е. Люди Санкт-Петербургского острова Петровского времени. М., 2004.

Кошелева О. Е. Подьячий в интерьере Петербурга петровского времени // Диалог со временем: Альм. интеллектуал. истории. Вып. 7. М., 2001.

Пензин Э. А. Сибирский обербергамт — орган управления горнозаводской промышленностью Урала в первой половине XVIII века // Пробл. генезиса капитализма на Урале: История, историография, источниковедение: Сб. науч. тр. Свердловск, 1986.

Пузанов В. Д. Военно-административная система России в южном Зауралье (конец XVI — начало XIX в.) // История Курганской области. Т. 7. Курган, 2002.

Редин Д. А. Административный статус уральских дистриктов конца первой четверти XVIII века: (Предварит. наблюдения) // Пробл. истории России. Вып. 5. На перекрестках эпох и традиций. Екатеринбург, 2003. С. 272—289.

Редин Д. А. Вторая областная реформа Петра Великого и становление уральской горнозаводской администрации // Изв. Урал. гос. ун-та. 2004. № 31. Сер. Гуманитар. науки. Вып. 7. С. 45—58.

Редин Д. А. Местные учреждения петровского времени как проводники и исполнители законодательства (опыт изучения канцелярского регистра 1720-х гг.) // Пробл. истории России. Вып. 6. От Средневековья к современности. Сб. науч. тр. Екатеринбург, 2005. С. 138—152.

Серов Д. О. Забытое учреждение Петра Великого: Вышний суд // Рос. самодержавие и бюрократия: Сб. ст. в честь Н. Ф. Демидовой / Отв. ред. А. А. Преображенский. М.; Новосибирск, 2000.

Серов Д. О. Надворный суд в судебной системе России (1719—1727) // Журн. рос. права. 2004. № 12. С. 132—138.

Татищев В. Н. Записки и письма. М., 1991.

Феноменов М. Я. Углицкая провинция при Петре Великом: Быт. очерки. М., 1923.

Фуко М. Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы. М., 1999.

Peterson, Claes. Peter the Great's Administrative and Judicial Reforms. Stockholm, 1979.

Статья поступила в редакцию 19.09.2006.